«НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ»: РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛОСОФЫ-ЭМИГРАНТЫ О ПРИЧИНАХ, СУЩНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

“BY THE RIVERS OF BABYLON”: RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS-EMIGRANTS ON THE CAUSES, NATURE AND PROSPECTS OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Погодин Игорь Вячеславович

Доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, кандидат философских наук
E-mail: igor-pogodin70@yandex.ru

Pogodin Igor V.

Assistant Professor at the Department of Philosophy, Institute for Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, PhD in Philosophy
E-mail: igor-pogodin70@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе философских источников дается анализ философских идей русских религиозных мыслителей о духовных истоках и религиозной сущности русской истории и русской революции, рассматривается интерпретация русскими философами роли и значимости православных ценностей и идей в историческом развитии русского народа и его сознания, о метаморфозах данных религиозных идеалов, приведших к масштабному социальному переустройству жизни. Корреляция религиозного и революционного в сознании и практике исторической жизни русского народа, выявленная русской религиозно-

Abstract. The article provides the analysis of the philosophical ideas of Russian religious thinkers about the spiritual origins and religious nature of Russian history and the Russian revolution, discusses the interpretation of the role and significance of the Orthodox values and ideas in the historical development of the Russian people and its consciousness made by the Russian philosophers, the metamorphosis of these religious ideals that led to a large-scale social reconstruction of life. The correlation of the religious and revolutionary in the consciousness and practice of the historical life of the Russian

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Погодин И. В., 2020

философской мыслью, раскрывается в процессе сравнительной характеристики христианской философии истории с иными философскими интерпретациями смысла и хода истории: марксизмом, экзистенциализмом, феноменологией и герменевтикой.

Ключевые слова: история, Православие, эсхатология, мессианизм, раскол, анархия, нигилизм, ментальность, социальная революция, нравственная оценка, духовные ценности, национальный характер.

people, revealed by the Russian religious and philosophical thinkers, is disclosed in the process of the comparative characteristics of the Christian philosophy of history with other philosophical interpretations of the meaning and course of history: marxism, existentialism, phenomenology and hermeneutics.

Keywords: history, Orthodoxy, eschatology, messianism, schism, anarchy, nihilism, mentality, social revolution, moral evaluation, spiritual values, national character.

Перед современным российским обществом стоит важнейшая социальная и духовная задача: преодолеть социальный раскол и внутреннюю идейную вражду, достичь единения всех общественных сил для интенсивного и качественного развития России и всего российского народа. Для этой задачи необходимо осмыслить истоки и причины раскола и разъединения российского общества, которые привели в XX–XXI вв. к крупнейшим социальным потрясениям, имевшим негативные последствия для развития российского государства и русского народа. В данной статье мы исследуем одну из попыток такой рефлексии: интеллектуальную реакцию философов русского зарубежья первой половины XX в. на глобальное событие в истории России – Октябрьскую революцию 1917 г. Это социальное потрясение является наиболее ярким свидетельством социального и духовного кризиса, поразившего общество того времени. Российские мыслители, неравнодушные к судьбам Родины, попытались осмыслить этот социальный катаклизм, который кардинально повлиял не только на их личные судьбы, но и на существование их страны и их народа.

Когда исторические события помимо воли человека меняют полностью его жизнь и потрясение от пережитого оказывается очень сильным, неизбежно у данного человека возникает потребность осмыслить и оценить произошедшее с ним в объективной реальности, найти ответы на те вопросы, которые рождаются в сознании человека, преодолеть когнитивный диссонанс. При этом осмыслению подвергается не только личная жизнь человека и конкретные исторические события, ставшие причиной коренных изменений в индивидуальном и общественном существовании, но и сама история как глобальный процесс развития различных сообществ. Пытаясь найти смысл и оправдание исторического существования себя самого и своего народа, исследователь стремится это сделать путем изучения истоков, содержания и смысла истории как целого явления жизни.

Философская рефлексия русских религиозных мыслителей, оказавшихся в эмиграции помимо своей воли, по поводу духовных истоков и смысла русской революции, разделивших русское общество на два враждебных друг другу лагеря, является, на наш взгляд, очень ценной и важной в силу того, что данные мыслители, будучи современниками этих

трагических событий, сумели духовно подняться над личными обидами и социальной враждой и своим анализом трагической истории и судьбы русского народа положить начало духовному и социальному примирению расколотой на части России. Осмысление духовных усилий философов русского зарубежья, на наш взгляд, поможет современному обществу утвердить те ценности жизни российского общества, которые могут стать основой сплоченности и созидательного творчества всех общественных сил на благо народа и страны.

В данной статье мы подвергли анализу философское творчество трех представителей русской эмигрантской мысли: Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и Г. В. Флоровского. Конечно, данная репрезентация мыслителей не отражает всего богатства и разнообразия философской рефлексии по поводу русской истории и русской революции, но нам было важно показать в данной статье не весь спектр эмигрантской мысли (это задача большого научного исследования), а проанализировать одно из направлений русской мысли. Нас в творчестве данных философов, прежде всего, интересовали не идейные различия между ними, которых у них достаточно, а общие для них установки и ориентиры, помогающие нам понять суть их философской позиции по вопросу о понимании и оценке глобального социального потрясения в истории России.

Религиозные мыслители русского зарубежья, подвергая осмыслению саму историю как реальное явление, отвергают рационалистический подход к пониманию истории, господствовавший как в немецкой идеалистической философии, так и в марксистской философии истории, где человеческая логика и принципы мышления, присущие человеку, экстраполировались на ход и сущность исторического процесса, и тем самым, во-первых, сложный и живой мир истории схематизировался и упрощался, а во-вторых, он оказывался объектом человеческого произвола.

Провозглашенная в эпоху Просвещения идея о человеке разумном, как главной движущей силе истории, привела к целому ряду научно обоснованных и исторически необходимых, с точки зрения рационализма, социальных потрясений по всему миру, следствием которых стали не только экономические и политические изменения в различных странах мира, но и огромные человеческие жертвы, принесенные на алтарь неумолимой логики истории. Именно на это указывал Н. А. Бердяев, отмечая, что гуманизм, лишенный духовно-нравственных, религиозных в своей основе ценностей, неизбежно переходит в антигуманизм, обесценивая живого конкретного человека в угоду надличностным силам и ценностям [1, с. 152].

Отрицая бездушный и безнравственный подход к пониманию и оценке истории, игнорирующий живую, сложную и противоречивую реальность, русские религиозные мыслители утверждают иное понимание ее природы и сущности. История, по их мнению, имеет органический характер и иррациональный источник своего развития. Она идет стихийно и подчиняется имманентным ей законам. Любое историческое событие является непредсказуемым результатом сопряжения разнообразных стремлений и ценностей, взаимодействия множества подчас взаимоисключающих сил и факторов. Таким органическим фактором и имманентной исторической силой является человек и его конкретная общественная деятельность, которые невозможно игнорировать и обесценивать, но которые также нельзя абсолютизировать и наделять их значимостью, которые им не присущи.

История является местом приложения свободных творческих сил человека и социальных коллективов, результативность и смысловая ценность которых оказывается несоответствующими рациональному пониманию данных субъектов исторического процесса. Живой организм не поддается рационально обоснованному манипулированию и своим иррациональным существованием ставит предел сциентистским претензиям человечества.

История не подчиняется рациональным схемам и логическим планам, созданным для нее человеческим умом и волей, поэтому история оказывается для человечества непонятной, нелепой, абсурдной. Здесь размышления русских религиозных философов о сущности и смысле истории оказываются тождественными с утверждениями экзистенциальной философии, делающими акцент на абсурдности и иррациональности исторической жизни как отдельного индивида, так и всего человечества. Но, в отличие от трагической бессмыслицы исторических конвульсий, проповедуемой экзистенциальной парадигмой, русская религиозная мысль уверена в наличии глубочайшего смысла в несправедливом и антигуманном, на взгляд бунтующего человека, содержании исторического процесса. По мнению русских философов, историческая жизнь требует от человека и человечества не бунта и отторжения, а ответственного принятия и духовно-нравственного осмысления.

Эмансипированный гуманизмом человеческий разум, уверенный в своей мощи и универсальности, воспринимает историю как пассивный и неорганизованный материал, которому необходимо придать осмысленность и направленность движения. И русская революция стала наиболее яркой и трагической иллюстрацией такого рационалистического понимания исторической действительности, когда была предпринята попытка сознательно и целенаправленно, руководствуясь теоретическими положениями марксизма, создать новое общество, основанное на рационально, научно обоснованных началах социальной организации жизни.

Г. В. Флоровский утверждал: «Иными словами, здесь проявлялось рационалистическое убеждение в том, что люди “делают историю” и что им по силам такая задача, что жизнь историческая сама по себе протекает, так сказать, аморфно, не имея своей стихийной упругости, и что поэтому возможно рассчитывать на успех, вторгаясь в нее со своими отвлеченными планами действия» [2, с. 87–88].

Так как история в действительности является живой и самодостаточной реальностью, то попытки человека подчинить себе и своим интересам ход истории оборачиваются насилием над органической жизнью и неизбежным крушением кумиров самоуверенного разума. В большевистской революции это проявилось с наибольшей очевидностью: с одной стороны, революционеры сумели совершить грандиозный социальный переворот благодаря тому, что сумели осознать внутреннюю логику объективных исторических процессов и почувствовать дух эпохи, уловить настроение стихийных народных масс и возглавить их.

А с другой стороны, социальный эксперимент, проводимый большевиками по теоретическим расчетам и кабинетным планам, которые изначально были искусственны и далеки от реальности, был с самого начала предопределен к неудаче и результат, полученный в процессе осуществления утопичных умозрений, оказался не соответствующим ожиданиям строителей нового общества. Сама революция явилась органическим моментом в развитии российского общества, то есть имела объективный и неизбежный характер: она не стала результатом рационально планируемых и теоретически обоснованных действий

конкретных людей или социальных групп, а оказалась мощным стихийным процессом, в котором проявились и разрешились органические противоречия развития российского общества и в который были вовлечены все социальные слои, в том числе и сами социальные теоретики переустройства российского общества и всего мира.

Практика революции и строительства нового общества в России, которая противоречила научно обоснованным положениям марксизма, показали утопичность и несостоятельность многих положений исторического материализма. Следовательно, по мысли русских религиозных философов, необходимо было искать причины и истоки исторических событий не в области социально-экономических отношений и классовых противоречий, а в иной области общественной жизни, а именно в духовно-нравственной, которая и является, по их убеждению, определяющей все остальные сферы исторического существования отдельного народа и всего человечества. Поэтому надо исследовать не материальные явления и внешние формы исторической жизни какой-либо общности, а проникать в глубину духовного истока и изучать ментальные особенности данной общности в их сущностной основе и исторической динамике. В данной гносеологической проблеме понимания социальных исторических процессов русские религиозные философы сближаются с философской позицией герменевтики и феноменологии.

С наибольшей полнотой и силой свобода и мощь человека в истории проявляется не в материальных усилиях и практических результатах, которые зачастую не соответствуют или противоречат друг другу, а в способности нравственной оценки этих усилий и этих результатов, нравственной оценки самой истории и ее процессов. При этом оценке и суду подвергается не только объективная реальность, независимая во многом от человека, но и сам человек. Нравственное суждение, выражаемое по поводу неизбежных и независимых от человека и его воли явлениях и событиях истории, выявляет независимость человека от этих внешних, внеличных обстоятельств, безусловность его идеалов, ценностных ориентиров, нормативных представлений общественными условиями исторического существования индивида, практикой жизни.

Русская революция и утверждение революционной идеологии по всей стране стали объективной реальностью для русской интеллигенции, и все попытки практически противостоять этим процессам оказались безрезультатными. Однако потерпев поражение в социально-практическом измерении жизни и лишившись Родины, русские мыслители при этом не лишились способности высказать нравственную оценку тем процессам и явлениям, которые радикально изменили материальные условия их существования. Действительно, русские мыслители оказались в непростой ситуации, осмысливая и оценивая русскую революцию, разрушившую их привычный мир.

С одной стороны, они понимали, что отвержение революции и проклятия в ее сторону, попытки утверждать, что революция носит случайный характер и является результатом хаотичного нагромождения нелепостей, является путем в никуда, в историческое сектантство, в отрицание исторического смысла и ценности его познания.

С другой стороны, признание революции как исторической объективной необходимости и принятие ее неизбежности ведет к примирению с революционной идеологией и практикой, а следовательно, к оправданию физического и духовного насилия.

Многие деятели русской эмиграции встали на тот или иной путь. Ценность и продуктивность позиции русских религиозных мыслителей состоит в том, что, не отвергая объективность и историческую неизбежность революции, они оставляют за собой право нравственной оценки как самой революции, так и себя самих, тем самым утверждая возможность духовной свободы и непредвзятой рефлексии. Г. В. Флоровский был уверен: «Каждый отвечает за себя, за свои действия, за их результаты, – хотя бы эти последние и были совсем не те, которых он мечтал достигнуть, которые он полагал себе целью: во всяком случае, в качестве интегрально-учитываемого фактора они вошли в сложение исторических сил. Даже и в том случае, когда сами по себе эти результаты получают – в каком-либо ином плане, какой-либо иной установке – положительную оценку, – нравственный приговор этой оценкою еще не предпрещается. И именно потому, что человек свободен» [2, с. 99].

Если нравственная оценка исторических событий и лиц оказывается независимой от конкретных материальных сил и факторов жизни человека, то основой, на которой базируется данное моральное суждение, не может быть исторически обусловленный идеал общественной жизни, так как он в силу своего происхождения будет всегда относительным, ограниченным и изменчивым, определяемым культурно-историческими рамками существования определенного класса, нации, сословия.

Нравственная оценка, определяемая историческим развитием общества и выражающая тем самым интересы и запросы конкретной культурной общности, будет всегда пристрастной и субъективной, и будет судить обо всем не с точки зрения вечности и истины, а с точки зрения предпочтений и выгоды конкретных исторических субъектов. Следовательно, в данном случае ни о какой духовной свободе человека не может быть и речи, так как человек и его сознание являются продуктом всех социальных отношений, как это неизбежно следует из марксистской доктрины. Таким образом, свободное суждение человека о исторических явлениях и процессах возможно при наличии надвременной, сверхисторической духовной основы, то есть абсолютного нравственного идеала, не связанного с конкретными изменчивыми запросами и чаяниями социальных групп и материальными условиями их исторического существования.

Наличие духовной абсолютной основы нравственного суждения человека позволяет ему понять единство свободы человека и объективного стихийного процесса жизни и тем самым верно оценить историческую реальность. Сверхличная основа исторического процесса позволяет исследователю избежать крайностей в понимании движущих сил истории: волюнтаризма, абсолютизирующего в истории личные интересы и ценности, а также детерминизма, игнорирующего и обесценивающего человека в неумолимом ходе истории.

Осознание абсолютной духовной ценности как основы истории и как критерий оценки исторических событий и личностей позволяет исследователю понять историю как живую реальность, имеющую духовный смысл. Исходя из абсолютного нравственного идеала, находящегося вне истории, человек не будет судить историю в целом, так как для него, живущего в ограниченной исторической реальности, скрыт смысл и цель всего исторического процесса, но будет судить конкретных исторических индивидов и их деятельность в истории, вскрывая глубинные духовные причины исследуемых и оцениваемых явлений прошлого и настоящего.

Следовательно, любые теории исторического прогресса в основе своей оказываются произвольными и не имеющими ничего общего с реальным историческим процессом, так как за критерий прогресса принималось какое-либо историческое явление или процесс, ограниченный временем и пространством, социальными установками или индивидуальным умозрением. Конкретное и исторически условное выдавалось за универсальное и безусловное, что и было причиной исторических заблуждений и общественных катастроф.

Смысл и назначение истории лежат за пределами исторической реальности, а не в ее пределах, в абсолютном и вечном мире высших духовных ценностей. С Л. Франк был убежден: «Прогресса» не существует. Нет такого заранее предуказанного пути, по которому бы шло человечество и который достаточно было бы объективно констатировать, научно познать, чтобы тем уже найти цель и смысл своей собственной жизни. Чтобы знать, для чего жить и куда идти, каждому нужно в какой-то совсем иной инстанции, в глубине своего собственного духа найти себе абсолютную опору; нужно искать вех своего пути не на земле, где живешь в безграничном океане, по которому бессмысленно движутся волны и сталкиваются разные течения, – нужно искать, на свой страх и ответственность, путеводной звезды в каких-то духовных небесах и идти к ней независимо от всяких течений и, может быть, вопреки им» [3, с. 162].

Тем самым опровергая оптимистический взгляд на историю сторонников светлого будущего, неумолимого и неизбежного в своей бесчеловечности, в угоду которому можно приносить неисчислимые жертвы и оправдывать любое насилие, русские религиозные мыслители противопоставляют временным, рационально сконструированным идеалам вечные абсолютные ценности, имеющие сверхличную и надсоциальную духовную природу, на которые и должно опираться общество в своем историческом развитии и которые должны быть единственным критерием оценки этого развития.

Данные ценности и будут той основой единения общества, которая позволит избежать социальной катастрофы и направит различные общественные силы на творчество и созидание. И история России дает массу примеров, подтверждающих суждения русских мыслителей. Именно русское Православие, воплотившее в своем учении сверхличные духовные ценности, стало в России той исторической силой, вокруг которой происходило социальное сплочение и нравственное оздоровление русского народа, преодолевалась рознь и духовное одичание людей: от Крещения Руси через преодоление Смуты до возрождения Православия в конце XX в. в момент банкротства коммунистической идеологии.

Осознавая недоступность понимания и оценки всего исторического процесса в целом, понимая несоизмеримость своего разума и объективного сверхличностного хода истории, человек духовно смиряется перед тайной исторической жизни и признает наличие духовного нравственного смысла своей жизни и существования всего человечества в истории. Признание сверхличной основы истории, духовной цели развития человечества позволяет человеку избежать искушения определения истории как абсурдного процесса, не имеющего никакой ценности, видеть в любом процессе и явлении истории, какими бы они ни были для данного индивида, глубокий смысл и личностную значимость, требующими нравственной оценки и осмысления как необходимые моменты исторической жизни и духовной судьбы конкретного человека.

Так как история имеет в своей основе абсолютную духовную ценность, то и все материальные исторические процессы и явления, фиксируемые и переживаемые людьми, несут в себе духовный источник, который и содержит в себе логику органического развития и результативного проявления тех или иных исторических феноменов. Следовательно, рождение новых форм исторической жизни или гибель общественных институтов или традиционного уклада и порядка жизни является не случайным, не произвольным или нелепым явлением исторической реальности, а является органическим процессом, неизбежным и закономерным, имеющим глубокий смысл и значение для субъектов истории.

Как живой организм в своем развитии проходит через неизбежные и необходимые ему кризисы, разрешение которых определяет дальнейший ход его развития, его качество и темп роста, так и историческая реальность в своем развитии проходит через кризисы, которые обновляют и обогащают человека, нацию, государство, культуру как материально, так и духовно. Кризис важно не только принять и пережить как естественный и необходимый момент своей жизни, но и осмыслить его, осознать его причины, содержание и значение.

Социальная революция в России явилась таким неслучайным и закономерным кризисом, стала историческим судом над историей русского народа, русской культуры и русского государства. Чтобы понять и принять это социальное потрясение всех основ исторической жизни, необходимо уяснить и оценить духовные истоки исторического развития русской цивилизации, приведшие к неизбежному краху всего общественного порядка жизни. При этом суд и оценка, чтобы не быть поверхностными и пристрастными, должны исходить из абсолютного нравственного идеала как трансцендентного мерил всех явлений истории.

С другой стороны, человек, вынося суждение об историческом событии с точки зрения вечности, не должен себя ставить вне события или процесса, о котором выносятся суждение, то есть не должен выводить себя из истории. Судя историческое явление, человек судит сам себя. Осмысливая историю, человек осмысливает самого себя, рефлексировать над своей судьбой, тем самым не отделяет себя от трагедии собственной страны и народа, не впадает в обвинения и проклятия в адрес своих идейных противников, а переживает исторический кризис как свой личный кризис, пытаясь в поиске смысла истории найти смысл собственного существования.

Тем более русские философы, как представители русской дореволюционной интеллигенции, активно участвовавшей в революционной, антигосударственной деятельности, чувствовали и осознавали свою ответственность за то, что произошло с их страной и культурой. С. Л. Франк провозглашал: «Мы понимаем нашу общую греховность перед родиной, нашу вину в ее гибели, в нарождении слепоты и сатанинской злобы, мы полны любви и жалости к конкретной, живой душе народа, падшей ныне, как и мы сами, и сознаем, как трудно ей – и нам вместе с ней – духовно подняться после этого падения. Но вместе с верой в живого Бога, которая дает нам веру в себя самих и в людей, мы обретаем также прочную веру в родину» [3, с. 201–202].

Таким образом, кризис, поразивший Россию и русский народ, имеет, по мнению русских религиозных мыслителей, духовную природу, поэтому возникает необходимость

понять и оценить истоки и причины этого духовного кризиса, приведшего к потрясению всех основ социальной жизни. Так как материальная история человечества или его части имеет свой исток в духовном начале и в ней проявляются внутренние закономерности развития объекта исследования, то для понимания видимой осязаемой истории России, уяснения смысла ее хода и цели развития необходимо изучать духовную сущность исторического пути русского народа, истоков, идеалов и исканий русского духа.

Именно в истории духовной сущности народа, развитии его национальной идеи, в следовании ей или отклонении от нее народа заключены ответы на все вопросы, проблемы и противоречия русской истории, волнующие пытливого ум и чуткое сердце мыслителя, стремящегося к осознанию смысла и значимости русской революции. Следовательно, исходя из такой мировоззренческой установки, необходимо причины и истоки социального потрясения начала XX в. искать не на поверхности социально-экономических условий жизни русского общества предреволюционной эпохи, как это делали позитивисты и марксисты, а в глубине русской истории, в тех духовных пластах истории русского народа, где возникли и вызрели те закономерности исторического развития русского общества, приведшие к неизбежному и необходимому кризису духовных и социальной основ российского государства.

Таким образом, большевики и революционная практика являются органическим порождением русской истории, позволяющим увидеть и осознать так ярко проявившиеся в этих исторических явлениях заблуждения и тупики в развитии русского духа, а также красоту и глубину русской идеи, ее непреходящую духовную ценность и практическую перспективность в рамках исторического существования России.

Русская идея основывается на христианском идеале жизни, который русский народ сделал своей высшей ценностью. Этот идеал, ставший для него личностно значимым, русский народ стремиться воплотить в реальных формах исторической жизни. По-христиански надо не только верить, но и по-христиански следует жить. Православие стало духовным базисом как сознания русского народа, так и его культуры.

С этим связаны особенности русского духовного строя и душевного склада: чуткость и отзывчивость, доброта и открытость, отрицание насилия и принуждения, стремление к самопожертвованию, духовная жажда вселенской правды, универсального жизненного идеала. Но подлинный христианский идеал в русской истории не был воплощен, так как он требовал от его носителей духовной сосредоточенности, непрерывного труда и дисциплины, преемственности и здравомыслия.

Русский народ часто уклонялся в своем духовном пути развития от своей исторической задачи, впадая в безволие, безответственность, предаваясь грезам и фантазиям или утверждая своеволие, обесценивающее и отрицающее весь порядок духовной и социальной жизни. Все эти соблазны русского духа являются антиисторическими и поэтому противоречат тому идеалу, к утверждению которого был призван русский народ.

Об этом размышлял С. Л. Франк: «Великая духовная энергия, почерпаемая из безмерной сокровищницы Православной веры, шла едва ли не целиком вглубь, почти не определяя эмпирическую периферию жизни; во всяком случае – по причинам, которых мы здесь далее касаться не можем, – она не определила собою общественно-правового уклада

русской жизни, не воспитала веры в какие-либо, освященные ею, принципы гражданских и государственных отношений. ...Русский человек либо имеет в своей душе истинный “страх Божий”, подлинную религиозную просветленность – и тогда он являет черты величия и благодати, изумляющие мир, – либо же есть чистый нигилизм, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не верит и которому “все позволено”. Нигилизм – неверие в духовные начала и силы, в духовную первооснову общественной жизни – есть – рядом и одновременно с глубокой религиозной верой – коренное, исконное свойство русского человека» [4, с. 35–36].

Причины уклонений русского духа в соблазны и искушения русские мыслители видят различно. Флоровский видит их в разрыве русской культуры и русского сознания с византийской традицией, следствием которого стала недисциплинированность, произвольность и самочинность духовных исканий и определений. Вообще разрывы и отсутствие преемственности являются характерной чертой истории России, что явно указывает на напряженность и динамизм русского духа, отсутствие в нем спокойствия, гармонии, плавности. Н. А. Бердяев видит причину этой напряженности и дискретности русской истории и русского духа в противоречии между жадой осуществления в полной, абсолютной мере христианского идеала жизни и неудовлетворенностью теми культурными формами жизни, которые в себе воплощают ограниченно и условно чаемый русскими людьми идеал.

Этот религиозный эсхатологизм поражает неизбежно и антихристианский нигилизм, который является следствием разочарования в культуре и обесценивания ее форм как условных и ограниченных, неспособных осуществить в реальности во всей полноте и совершенстве искомый смысл жизни. Отсюда и происходят бунты, анархизм и нигилизм русского духа. При этом восстав на существующую культуру, доминирующий социальный порядок жизни, объявляя его антинародным, антихристовым, несправедливым и эксплуататорским в разные века и в разных социально-экономических условиях исторического существования, русский народ сохраняет веру в тот идеал совершенной христианской жизни, который он противопоставляет существующему культурному укладу, будь то Китеж-град у озера Светлояр, мужицкое (крестьянско-казацкое) царство, коммунистическое общество, утопические соблазны.

Конечно, с точки зрения канонического Православия, эти идеалистические грезы являются искажением христианского учения, являются результатом отхода от церковной традиции и утверждения самоволия в духовной жизни русского народа. Тем самым христианская истина замещается народной правдой и идеал любящего и страдающего Христа для всех людей подменяется идеалом торжествующей принудительной социальной справедливости одного из осколков общества. Поэтому, расходясь в определении истоков духовной измены русского народа идеалу Православия, и Н. А. Бердяев, и Г. В. Флоровский едины в констатации сущности того идейного заблуждения, поразившего носителя и хранителя православной правды. Раскол церковный, оставивший значительную часть русского общества без церковного наставничества и руководства, а потом раскол социальный, оставивший большую часть русского народа вне государственного служения и культурного просвещения, стал катализатором высвобождения духовного произвола и культурного анархизма, приведшего постепенно и неизбежно к утверждению не только антигосударственной, но и антицерковной идеологии и практики в ходе революционного потрясения XX в.

Н. А. Бердяев констатировал: «Но наибольшее значение имел наш церковный раскол. С него начинается глубокое раздвоение в русской жизни и русской истории, внутренняя расколотость, которая будет продолжаться до русской революции. И многое тут находит свое объяснение. Это кризис русской мессианской идеи» [5, с. 212–213].

Основой революционных потрясений и крушения императорской России является раскол общества на две неравные части: небольшой слой государственно ориентированной просвещенной бюрократии и основные массы русского народа, ориентированного на традиционные ценности социального равенства и самоуправления. Крестьянская традиционная Россия и разрушила государственные опоры сословного общества. Социальный раскол, по мысли русских философов, имеет корень в духовном расколе, произошедшем в XVII в., разделившем единое сословное общество на две части: государство и земщину, при этом земщина, независимо от религиозных убеждений, встала на сторону старообрядческой идеологии, рассматривая государственную власть как антихристову, тираническую по своей природе и антинародную по своей сущности.

Если в начале XVII в. народные массы спасли государство и воссоздали его, видя в ней органическую и необходимую часть своей жизни, то после церковного раскола, противопоставившего части российского общества не по социально-экономическим характеристикам, а по ценностным духовным установкам, народные массы выступали как антигосударственные, противоправительственные силы, стремящиеся к разрушению того социального и духовного порядка, который они считали несправедливым, духовно искаженным (от крестьянских войн до Октябрьской революции).

При этом раскольническая идеология и практика, противопоставляющая государственную политику и народную правду, настолько укоренилась в русском народе и стала доминирующей в духовном строе его жизни, что, даже потеряв религиозную подоплеку и превратившись в светскую революционно-народническую идеологию, она осталась по сути духовно радикальной и нетерпимой, нигилистичной и враждебной культурному многообразию, грезившей о утопическом идеале. Религиозные начетники духовно породили в лице российской интеллигенции революционное подполье.

Таким образом русская революция стала результатом ложно направленного, религиозного по своей природе русского духа. Впавший в духовный соблазн и потерявший способность к различению правды от лжи, реальности от иллюзии, русский народ принял утопию вселенской социальной справедливости за идеал братской жизни во Христе и перенес на нее всю свою религиозную жажду. Как метко заметил Н. А. Бердяев: «Русский коммунизм есть извращение русской мессианской идеи. Он утверждает свет с Востока, который должен просветить буржуазную тьму Запада. В коммунизме есть своя правда и своя ложь. Правда – социальная, раскрытие возможности братства людей и народов, преодоление классов; ложь же – в духовных основах, которые приводят к процессу дегуманизации, к отрицанию ценности всякого человека, к сужению человеческого сознания, которое было уже в русском нигилизме. Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая

наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная от лжи. Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл» [5, с. 281–282].

Таким образом, русская революция стала, по мысли русских религиозных мыслителей, органическим и неизбежным результатом духовного соблазна, поразившего русский народ и приведшего к подмене подлинного универсального идеала свободно творимого добра, заложенного христианством в ментальность русского человека, ложным идолом насильственно утверждаемой партикулярной справедливости. Революция есть следствие духовной болезни, есть кризис русского духа, поэтому данная болезнь может быть преодолена не усугубляющимся идейным расколом общества, не внешним насильственным усмирением, а внутренним актом нравственного преображения, то есть покаянием всего народа, в том числе и той его части, которая оказалась в эмиграции.

Болезнь должна быть изжита самим народом, который как единый организм проходит через кризис своего исторического роста и развития, освобождаясь благодаря этому социальному катаклизму и историческому опыту от заблуждений и слабостей, чтобы по мере своих внутренних духовных сил воплощать данную ему изначально задачу свидетельствования о высшей нравственной ценности социальной жизни посредством всемирной отзывчивости и братской солидарности, отмеченными в русском ментальном характере гениальными его представителями, такими как А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский. Мысли, высказанные русскими религиозными мыслителями по поводу понимания и оценки русской истории и русской революции в первой половине XX в., нам представляются очень актуальными и перспективными для дальнейшего изучения вопросов и проблем развития современного российского общества.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл истории // Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с. С. 7–220.
2. Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 539 с. С. 85–124.
3. Франк С. Л. Крушение кумиров // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 539 с. С. 133–202.
4. Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 2. М.: Искусство, 1994. 684 с. С. 8–46.
5. Бердяев Н. Русская идея // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 2. М.: Искусство, 1994. 684 с. С. 204–286.
6. Гадамер Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. Камю А. Миф о Сизифе // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. 389 с. С. 222–318.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. 592 с.
9. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 601 с.
10. Шелер М. Феноменология и теория познания // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с. С. 195–258.

References

1. Berdyaev N. A. *Smysl istorii*. In: Berdyaev N. A. *Smysl istorii. Novoe srednevekovye*. Moscow: Kanon+, 2002. 448 p. Pp. 7–220.
2. Florovskiy G. V. O patriotizme pravednom i grekhovnom. In: *Russkaya ideya. V krugu pisateley i mysliteley russkogo zarubezhya. Vol. 1*. Moscow: Iskusstvo, 1994. 539 p. Pp. 85–124.
3. Frank S. L. Krushenie kumirov. In: *Russkaya ideya. V krugu pisateley i mysliteley russkogo zarubezhya. Vol. 1*. Moscow: Iskusstvo, 1994. 539 p. Pp. 133–202.
4. Frank S. L. Iz razmyshleniy o russkoy revolyutsii. In: *Russkaya ideya. V krugu pisateley i mysliteley russkogo zarubezhya. Vol. 2*. Moscow: Iskusstvo, 1994. 684 p. Pp. 8–46.
5. Berdyaev N. *Russkaya ideya*. In: *Russkaya ideya. V krugu pisateley i mysliteley russkogo zarubezhya. Vol. 2*. Moscow: Iskusstvo, 1994. 684 p. Pp. 204–286.
6. Gadamer G. *Istina i metod*. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (In Russian)
7. Camus A. Mif o Sizife. In: *Sumerki bogov*. Moscow: Politizdat, 1989. 389 p. Pp. 222–318. (In Russian)
8. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya*. Moscow: Politizdat, 1988. 592 p. (In Russian)
9. Florovskiy G. V. *Puti russkogo bogosloviya*. Vilnius, 1991. 601 p.
10. Scheler M. Fenomenologiya i teoriya poznaniya. In: Scheler M. *Izbrannnye proizvedeniya*. Moscow: Gnozis, 1994. 490 p. Pp. 195–258. (In Russian)

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2020, № 3

Статья поступила в редакцию 14.12.2019

The article was received on 14.12.2019